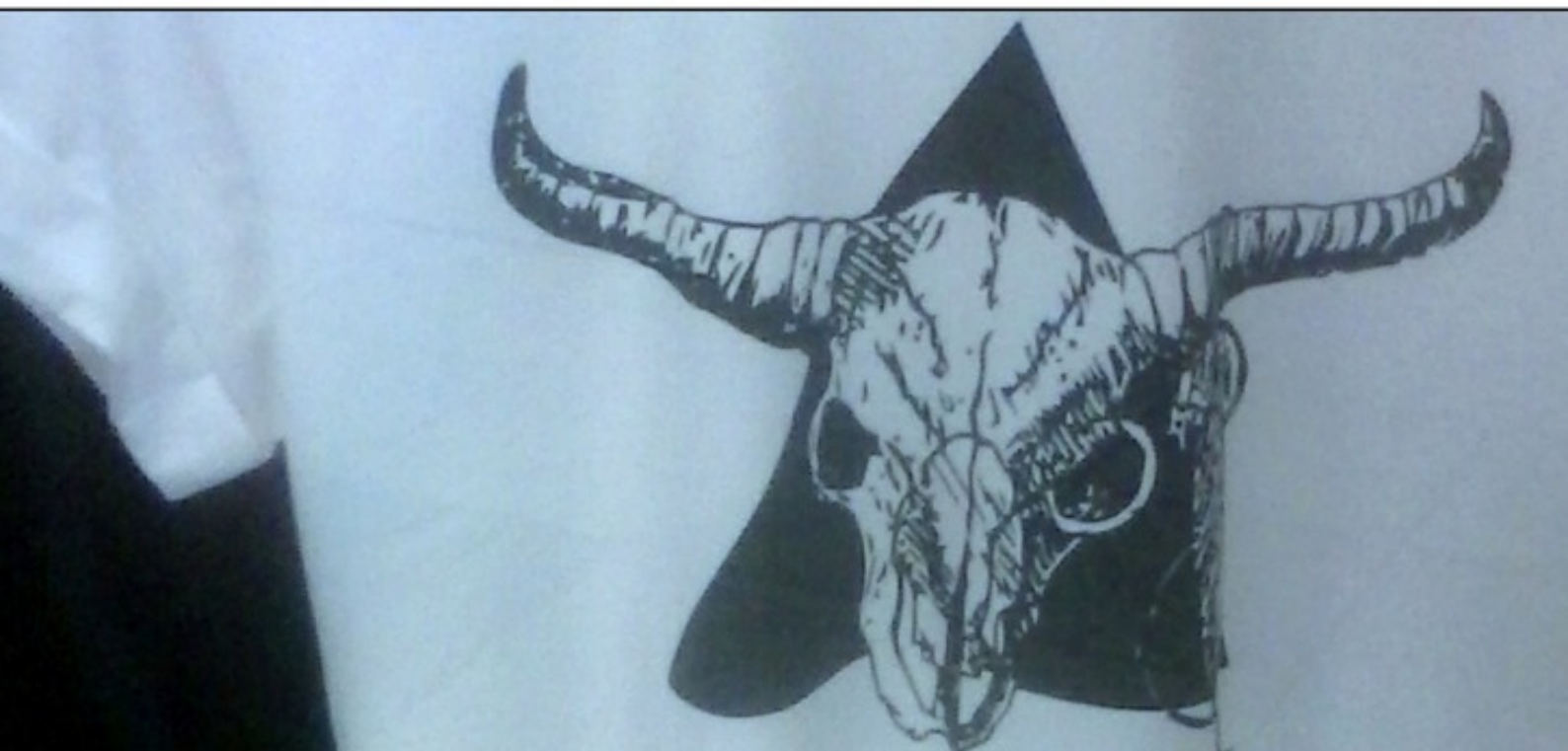

Елена Георгиевская

*Белорусский
сатанист.
Каменный Лог*

Готические романы

Елена Георгиевская

Белорусский сатанист.
Каменный Лог.
Готические романы

«Издательские решения»

Георгиевская Е. Н.

Белорусский сатанист. Каменный Лог. Готические романы /
Е. Н. Георгиевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837815-7

Дилогия о сатанисте Олеге, годами преследующем писательницу Елену, которая не отвечает ему взаимностью. На пути героя встают то могилёвские некроманты, то украинские анархисты, то голуби, оборачивающиеся полицейскими, то бешеный песок. Но Олег не падает духом и продолжает сочинять адские трэш-стихи, которые надеется увидеть в учебнике литературы. Вторая часть является сатирой одновременно на крайности радикального феминизма и маскулизма. Строго для лиц старше 18 лет.

ISBN 978-5-44-837815-7

© Георгиевская Е. Н.
© Издательские решения

Содержание

Белорусский сатанист	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Белорусский сатанист. Каменный Лог Готические романы

Елена Николаевна Георгиевская

Иллюстратор Елена Николаевна Георгиевская

© Елена Николаевна Георгиевская, 2017

© Елена Николаевна Георгиевская, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7815-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белорусский сатанист

Все совпадения случайны

Глава 1

На улице еблись собаки. Олег проводил их ненавидящим взглядом и побежал к магазину, который закрывался ровно в двадцать три часа, то есть, ещё полторы минуты, и жрать сатанисту будет нечего.

Проникнув в помещение, Олег пригладил жидкие, тусклые серые волосы перед стеклянной дверью. Красавец. Рост почти метр девяносто, скулы широкие, ноздри в пол-лица, узкие хитрые серые глаза, лицо в шрамах от фурункулов. Мужественная брутальная внешность. И не скажешь, что ее обладатель – пассивный гей.

– Бля! страшный какой, – зашептались толстые продавщицы.

Сатанист купил пачку дешёвых макарон, пластиковую полторашку «Арсенального» и рулон туалетной бумаги. На кухне завалялся плавленый сырок. Пиздатый выйдет ужин – всё лучше, чем вчерашние подгоревшие пельмени. Старый кот сатаниста недавно помер – можно не беспокоиться, что кто-то похитит жратву.

Олег ссыпал макароны в кастрюлю и поебашил к компьютеру. Очень хотелось досрать на литпорале. Обновил страницу и увидел возмутительный пасквиль некоего Ловца Собак:

«Ахтунг! 20 фактов об ахтунге.

Известно, что здесь пасется белорусский гей. Загадил все уже, ёпта, до всех доебался. Предлагаем посмотретья в зеркало».

– Я же только что смотрелся! – рассердился Олег. Его ручные демоны Ваня и Вася подло засмеялись в углу.

«1. В ныне удаленной «Автобиографии» на сайте стихи.ру наш правдоискатель признавался, что в школе его ненавидели за высокомерие и как-то избили возле раздевалки. Одноклассников я, простите, понимаю.

2. Отец ахтунга – алкоголик и шизофреник, хронический безработный. Брат тоже алкоголик. Мать, по словам знакомых, избаловала сынка, и он вырос эгоцентричной хабалкой.

3. Сам ахтунг откосил от армии благодаря справке по шизе. Подозреваем, что для имитации болезни ему не потребовалось сильно напрягаться, мхехехе.

4. Одноклассники так его достали, что он после девятого класса поступил в техникум, но и там его стали травить. Перевелся на заочку института права, чтобы меньше общаться с людьми.

5. Дважды устраивался работать дистрибьютором, оба раза с него содрали кучу денег за якобы обучение и уволили, не заплатив. Потом работал охранником на полставки, кланчил деньги у матери и, наконец, к двадцати пяти годам, стал копирайтером и очень гордится зарплатой в восемь-десять тысяч русских рублей.

6. Пишет плохие стихи под псевдонимами Пори Только Шнягу, Елевзад, Олег Мракофф – Избранное, Elevzad, Lordi7, De Winter etc. Врал, что состоит в Союзе Писателей Беларуси, в списках которого не значился никогда. Получил какую-то неизвестную науке литера-

туроведения премию «Гомельская скамейка», очень этим гордился. Говорил, что скоро у него выйдет сразу две книги, но не вышло ни одной.

7. Внешне вельми страшен: физиономия напоминает жабы, волосы рано поредели, неухоженный, плохо одевается, по свидетельствам знакомых, моется не каждый день, «потому что в квартире счётчики на воду». При этом считает себя очень красивым и любит критиковать внешность других.

8. Не читает ничего, кроме сайта стихи.ру и комментариев на разных порталах, пишет с ошибками («переодически», «тренировка», «перепитии»). Разбирается в сортах попсы – может долго рассказывать, какие песни Пугачёвой нравятся и почему. Дома держит ковёр.

9. Истеричен, не может спокойно общаться – то и дело срывается на ор, обожает перебивать собеседника. Чаще всего хамит женщинам, особенно пожилым, и в сети.

10. Имеет проблемы с гендерной идентичностью: лет в восемнадцать переодевался в женскую одежду, красился, называл себя Марленой. Написал об этом стихи, но удалил.

11. Обладает завышенной самооценкой, не переносит критику, не учится на ошибках.

12. Злобен и мстителен. После того, как писательница Елена Г. и гей-активист Павел С. отказались с ним общаться ввиду его хамства и скандальности, поклялся преследовать их десятилетиями, посвящает им

бредовые тексты, которые вывешивает на разных сайтах и в своем ЖЖ. Шлёт письма их знакомым: «где живет Лена (Паша), напишите мне координаты, и я размещу их адреса на сайте нацистов». Обострения обычно случаются поздней осенью и после Нового года. В связи с постоянными наездами на других пользователей был неоднократно забанен, а его рецензии и комментарии удалены модераторами.

13. Патологически лжив. «Лживость – мой основной недостаток», – признавался он в своей «Автобиографии» и при личном общении. Это подтверждают и его гомельские друзья.

14. Скуп до безобразия: может годами попрекать человека купленной на его деньги пачкой чая и полутора ложками съеденного в гостях салата.

15. Борется со своей латентной бисексуальностью. Однажды посвятил Елене Г. стихотворение «Если б ты была мужчиной», лирический герой коего жалеет, что Елена не сделала операцию по смене пола. На литсайтах обычно примазывается к дамам бальзаковского возраста, делает комплименты, угрожает приехать в гости. В последнее время засыпает любезностями 65-летнюю Флорентину Ш.

16. Ленив и неряшлив, см. также пункт 7. Захламляет квартиру, приглашает в этот бардак гостей и предлагает им прибраться. Носит грязные, вонючие штаны и футболки. Справляет нужду в подъездах. Когда ему указывают на недопустимость такого поведения, впадает в истерику.

17. По вышеуказанным причинам не имеет постоянного парня. Жаловался, что его воспринимают как мальчика на одну ночь. Однажды Елена Г. и Галина Ц. из сочувствия хотели познакомить Олега с парнем, но тот взглянул на нашего гения издали, ужаснулся и сбежал.

18. Избивал мать за то, что она не давала ему денег, в присутствии гостей. Постоянно оскорблял ее и называл «старой макакой». Гордится этим и желает «скорее подохнуть» отцу и брату.

19. Невыносимо назойлив: подлизывается к админам порталов, которые заблокировали его, неумело льстит, пишет километры бреда в личку, потом снова срывается на трамвайное хамство. После блокировки профайла плодит новые аккаунты со скоростью света (видимо, сублимация).

20. Мелет чепуху про свои невыебанные магические способности. Посвятил кучу рифмованной хуйни сатане, тьме, кладбищам, вудуизму и т.д., и т. п. Пока что от «колдовства» этого «посвящённого» стало хуже только ему.

Эпилог. Олег, желаем тебе хорошего психиатра».

– Суки! – сатанист сжал кулаки. – Суки везде! Но я отомщу вам. Завтра же.

Баклажка «Арсенального» одобрительно посмотрела на него, а демоны радостно зашуршали нестираной шторой.

Глава 2

«Как любой гений, я уже нацелился на воспоминания. Я вас всех переживу, сцуки, про всех напишу.

Пока здесь будут только краткие заметки на полях.

11.02.07.

Вася Петров приезжал ко мне, сцуко, выпил последний чай, ненавижу!

17.07.07

Лёша Иванов, пидарас, съел не полтарелки пельменей, а целую тарелку, а я надеялся доест за ним. Больше в дом не пущу.

05.02.08.

Работаю охранником, денег по-прежнему нет. У нас в Минске инфляция. Несмотря на это, приехала пидас с Украины, врала про любовь. Когда мы пошли в магазин, насильно закинула в мою корзину пачку чая. Я безропотно заплатил. Одолжил у пиды 100 гривен, когда та попросила вернуть, заорал: уёбывай! Скотина ни секунды не любила меня.

30.06.09.

Аня Ебанатова одолжила мне всего 100 евро, а надо было 1000. Уродина, мразь, ничтожество, ненавижу, буду преследовать десятилетиями.

12.08.10.

Доктор Ебуткевич вколол мне что-то в жопу, после чего я на три дня перестал ненавидеть человечество. Я знаю, пока я лежал в палате, он приходил к моей маме и дожрал ПОСЛЕДНЕЕ пирожное, которое должен был съесть я, я, я!»

Олег подумал и добавил:

«Но главная тварь моей жизни – Елена Г. Её папа – прапорщик-насильник, а мать слушает по ночам Пугачёву. В Москве, куда Елена приехала учиться после того, как её отчислили из женского батальона города Х., она чуть не умерла от голода, но стала стриптизёршей. А потом растолстела до 80 кг, и её уволили.

Елена умудрилась похудеть до 77 кг, но приехала ко мне в гости, втихую сточила в холодильнике все салаты и поправилась до 90 кг!

Мне было противно смотреть на эту жирную бутчиху, и я выгнал её. Она забыла у меня дома strapon и кошелёк и вернулась за ними. Strapon я отдал, кошелёк – нет. Предательница долго рыдала у меня под дверью. После того, как я расскажу это всему интернету, её больше нигде не напечатают!»

Мразь не замедлила с высокоинтеллектуальным ответом:

Обручённая с козлом
Ольга лает под окном

Обручённая с козлом
Ольга лает под окном

Обручённая с козлом
Ольга лает под окном

Обручённая с козлом
Ольга лает под окном

Стояло мрачное утро. Олег задёрнул тёмно-красную штору и попытался написать два абзаца о химической промышленности Бобруйска. Чёрта с два.

Его отвлекал литературный портал в соседнем окне. Авторы ставили галки кому угодно, только не белорусскому сатанисту.

Поэт не выдержал и вхуйнул на главную текст, который считал, как минимум, гениальным:

На бульвары и скверы просыплется ладан
серым пеплом змеи, наглотавшейся грязи.
Либи́до нарасхват, а Душа – нежеланна
в этом мире ублюдков и мрази, и мрази!

Ты простой, как над городом серая мошка,
нету повода плесть для тебя паутину,
подливать тебе крови в салат и окрошку.
Умирая, весь мир назову я «скотина».

Но и ты будешь мёртв, на работе угробясь —
сгубит вашу контору проклятье поэта,
из депо по маршруту не выйдет автобус,
и сгорит супермаркет. Но щас не об этом...

Комментаторы оживились – Олег давно их достал, а тут такой повод высказаться:
«издепопа»

«чо, так и будем его звать – Олег Издепоп»

«Издепоп – это город такой? Как Конотоп?»

Последний камент принадлежал Елене. Проклятая графоманка, невзирая на многочисленные бумажные публикации, зачем-то модерировала контркультурный сайт. Олег уронил бутерброд с килькой.

«Сука, тварь! – быстро напечатал он. – Я буду воевать против тебя. Кампания моя теперь уже точно принципиально будет продолжена. Всё заранее спланировано. Ты не уйдёшь от публичного опозоривания и потери большей части целевой аудитории читателей. Я затяну петлю у тебя на шее. Ну и, конечно, через полгодика будет долгожданный финал».

«Ольга, не хабаль, пожалуйста, как пида на вокзале».

«Я с тобой расправлюсь, гнида. Ахххахахаха!! Я бы запер тебя в пыточном подвале, подвесил на дыбе. Хахахахааааааах».

Мразь не замедлила с высокоинтеллектуальным ответом:

Обручённая с ослом
Ольга воет под окном

Обручённая с ослом
Ольга воет под окном

Обручённая с ослом
Ольга воет под окном

Обручённая с ослом
Ольга воет под окном

Сатанист выругался, в воздухе материализовался демон Вася.

– Чего надо?! – в истерике завизжал Олег. – Пользы от вас, козлов, никакой! Что вы тут обои протираете?

Язвительно улыбаясь, демон проговорил:

– ИЗДЕПОП. ИЗДЕПОП. ИЗДЕПОП.

Олег приобрёл этих созданий в ту пору, когда ещё не послал к чёрту местную тусовочку «Дарк Дроун Беларусь».

Один смазливый гот не дал ему в жопу. Олег очень старался – грозил, что нажалуеться готской маме, писал кляузы декану готского факультета, караулил юношу у подъезда с выкидным ножом. Наконец гот взмолился:

– Отвяжись! Я подарю тебе что-то хорошее.

– Мне ничего не надо, малыш, – усмехнулся Олег, – кроме кожи с твоего афедрона. Я сделаю из неё суровую мужскую косметичку.

– Олег, не приходи ко мне больше с бутылкой чарла, и я расскажу, как добыть красивого мальчика.

Ощем, в тот же вечер сатанист зажёл на кухне две свечи и стал читать заклинание. Но сцуко беда – оно было на латыни, а Олег её сдал и забыл.

– Стабат сатан долороза, – бормотал он, – ла фамилья фумитоза. Аве, войд... бойд... Ладно, чёрт с ним.

Далее надо было поссать на свечи, чтобы они погасли. В кухне воцарился чёрный пиздец. Олег нажал на выключатель.

– Выруби обратно, – велел ему некто манерным тенорком.

Из-под стола выполз парень в мелированных кудрях и серой ночной рубашке. За ним – ещё такой же.

– Хуясе грязь, – капризно произнёс второй.

– Двое! – обрадовался Олег, придя в себя. – И вы оба будете мне давать?

– Тебе? – фыркнул первый. – Пока ты искал выключатель, мы телепатически познакомились под столом. Его в мире Ассия зовут Ваня. А меня Вася.

Олег плюхнулся на стул, ища глазами нож и вилку.

– Даже не надейся нас выгнать, – предупредил Ваня. – Зачем ты, лох, нассал на две свечи? Тебе сказали: надо было купить одну!

– Я... я думал, если сразу две, то быстрее сработает.

– Придурок, – сказал Ваня.

– Злой придурок, – сказал Вася. – Будем жрать его энергию.

– Поскольку больше тут жрать нечего, – сказал Ваня.

Демоны злорадно засмеялись и, взявшись за руки, упиздовали сквозь дверь. Всю ночь они трахались в ванной и распевали песни группы «Current 93».

– Из депо, иждивенцы! – заорал Олег. – Из депо!.. Учитесь читать на русском литературном наречии! Ни помощи, ни поддержки.

– Почему же, – примирительно отозвался Вася, – мы отправили твоего папашу к бабе, а братца – в вытрезвитель, чтобы ты пару дней спокойно кропал свой издепоп. И где благодарность?

– Мне надо известить суку! – возопил Олег. С потолка посыпалась метафизическая чёрная пыль.

– Хорошо, Олежек, – сказал Ваня, просочившийся из вытяжки. – Но с тебя услуга. Мы наводим тебя на след Елены, и после этого ты даёшь...

Рожа Олега расплылась в сатанинской улыбке.

– ...страшную клятву не появляться дома три недели и три дня. Так надо. Если нарушишь обещание – ну, ты понял.

Глава 3

Олег запихал в рюкзак смену белья, старый термос, нож (баллончик продолбался куда-то), блокнот с черновиками стихов и телефонами пид, презервативы и банку «Яги». Хватит на три недели и три дня. Бритвенный станок забыл, но надеялся украсть на вписке.

«Как посредственна и скучна моя прогулка по рассветной улице, – думал Олег, плюя то вправо, то влево. – Если бы редкие прохожие уроды знали, что я иду искать знаки, что в башке у меня отныне запрятан Камертон Распознавания!»

Сверни, приказал некто в башке.

Олег побежал в переулок, застроенный сталинками. Там было пусто, лишь пожилая женщина в белом плаще клеила к двери подъезда объявления. Гей подкрался ближе:

«Куплю квартиру в вашем доме. Тел. +375*****. Альбина».

Ризлтор, мелькнуло в голове сатаниста. Как это вульгарно и пошло.

Бабка обернулась к нему и глянула в глаза – сверху вниз. Была она среднего роста, полная, с вьющимися седыми волосами и грубыми чертами лица. Лиловая помада оттеняла блеск узких раскосых глаз.

– Скажите, пожалуйста, – смутившись, пробормотал Олег, – тут не проходили такие красивые, нестандартные юноши... вроде готов... или просто все в чёрном? Не происходило ничего... такого... сверхъестественного?

– Молодой человек, – строго ответила бабка, – вы в этом доме живёте, или у вас шизофрения в стадии сумрачного бреда?

Совсем не боится, тварь, подумал Олег.

– Я нормален! – рявкнул он. Дверь подъезда распахнулась, выпустив мужика с мусорным пакетом. Мужик покосился на сатаниста, но ничего не сказал.

– Просто я увлекаюсь нестандартными вещами, – продолжал Олег. – Например... – он чуть не сказал: «гей-порно» и вовремя осёкся, – поэзией, мистикой, троллингом в сети. Сегодня ко мне должен придти знак.

– Отойдёмте, – сурово сказала бабка. – Вон за те кусты.

Сцуко, пронеслось в башке сатаниста, она хочет меня изнасиловать. А если я закричу, что гей, это может услышать гопота!

Кароче, отход в кусты стоил герою огромных волевых усилий, за что ему надо немедленно дать медаль.

– Я поэт-мистик Альбина Шаддаева, – гордо сказала бабка. – Сегодня я видела сон: я замерзаю в сугробе при минус шестьдесят, и снежинки шуршат надо мной: «Если сегодня в шесть утра не выйдешь на улицу, это случится на самом деле». Я верю знакам. Однажды не подала неформалу на пиво, и он проклял меня – неделю меня поливали грязью на лит-портале. Чтобы просто так не шляться, взяла с собой рекламу.

– Альбина, вы есть та, кого я жду! – воскликнул гей. – Мои демоны обещали помочь мне расправиться с одной тварью. Но, так как они сами твари неблагодарные, выгнали меня из квартиры на три недели и три дня. Типа, внутренний голос сам направит меня к губителю суки.

– Давайте это обсудим в кафе, – предложила Альбина, – домой я вас повести не могу – я имею молодого мужа и внучку Тасю, которой счастлива.

– А у меня никого нет, – признался Олег в привокзальном кафе, размешивая кофе. Он беспокоился: вдруг бабка не заплатит за пирожные, которых он заказал дохуя. – Воину мрака лучше быть одному. Друзья меня предали. Коза Елена сначала написала про мои стихи: «каждая строчка – шедевр», – а потом я выяснил, что она стебалась.

– Одиночество – дар неслучайный. Если вашу энергетику привороживают в каких-либо мелких целях, бегите!

– Как же мне найти козу? – спросил Олег. – Всё перепробовал – френдил её калининградских знакомых, льстил им, уверял в своей дружбе, рассказывал в личке небылицы про Елену, но никто не дал её адреса. А некоторые после этого приходили в её блог и надо мной смеялись. Вы возвращаетесь в литературных кругах, вдруг вы её знаете?

– Нет, – сказала бабка, – я из другого круга: меня не печатают в Журнальном Зале. Впрочем, мне всегда было плевать на официоз.

– Найдите мне её! – взмолился Олег. – Спасите меня! – Официантка хмуро посмотрела на него и шепнула буфетчице: «Тьфу, альфонс ещё один».

– Найду, – хитро улыбнулась бабка. – Ты мальчик взрослый. Знаешь уже, наверно, чем надо платить.

– Нет! – Олег храбро отодвинул пирожное. – Я ебу только красивых парней.

– Да никого ты не ебёшь, – ответила бабка, – я тебя насквозь вижу. Ты не ценишь в человеке духовное начало, настоящую тьму.

– На пузатых, старых, некрасивых, простите за прямоту, хуй не встанет.

– Ты, – прошипела бабка, – продолжаешь свой дешёвый гон и только больше увязаешь в личной мерзости! Гомосеки – все параноики и женоненавистники, не знающие женского начала тьмы.

– Расплевалась тут, жаба паскудная! Потихонечку мастурбируй мозг, а то задымится.

«Ещё торгуется, дураком, – шепнула официантка буфетчице. – С такой-то рожей!»

– Череп, что ли, твой безмозглый бейсбольной битой проломить, а? Чтобы всю дурь и злобу к женщинам из неё раз и навсегда выбить? Мужу позвоню, скажу: обижает меня педераст и коммунистический обглодок!

– Я твоему супругу скажу, что ты приставала ко мне, тварь!

– Так он и поверит.

– Поверит, – засмеялся Олег, – у тебя на лбу написано, что ты к мальчикам пристаёшь, старая блядь с синдромом Дауна, а с хуя ли я коммунист?!

– Такие огрызки Содома – всегда коммунаки!

В кафе вошли двое ментов.

Альбина величественно поднялась с места и подплыла к ним.

– Ко мне подсел этот парень, представился геем и хамит, – сказала она. – Сказал, женщины виноваты в том, что голубых дискриминируют.

Сержант попятился под её гипнотическим взглядом.

– Сейчас разберёмся, мадам.

– Простите, я уже ухожу. Вот моя визитка. Понадобится квартиру купить, продать – обращайтесь.

– А платить? – заорал Олег. Второй милиционер крепко взял его под руку:

– Плати сам, хлопец. А потом в отделение.

Солнце заползло всё выше по невидимой лестнице неба. Сатанист думал: когда-нибудь оно заберётся так высоко, что не удержится там и шваркнется. Весь мир сгорит, останется только...

– Пшёл вон, – лейтенант захлопнул дверь отделения.

– Вот недарёка, – сержант допил водку из грязной рюмки. – Жопа небритая, грязная, денег с собой нет, сосать не умеет.

– Тебя кто просил ебать животное?

– Ну, блять. Я думал, раз пидарас, то чистенький, а тут не дупа, а урна.

- Надо было ему дубинку туда сунуть.
- Похеру. Всё равно теперь по всему городу от милиции шкериться будет.

Несмотря ни на что, Олег был почти доволен. Его наконец-то выебли. Задницу ломило и жгло, зато менты отмотали ему почти полметра туалетной бумаги. Могли бы, правда, сцуки, накормить.

Куда же мне идти, прикидывал он. Посыпался мелкий дождь. Олег накинул капюшон и полюбовался в витрину магази на свою небритую рожу.

Минские коллеги точно не примут. Да и не помогут в ловле Елены, сволочи. Остаётся Мозырь, ехать придётся стопом.

Глава 4

Мозырь – одна из столиц белорусской духовности. Каждый пятидесятый мозырянин, по данным Сатанбюро, следует Левым Путём. Эта статистика давно исчезла из сети, и непонятно было, кто ею занимался, но Олег всё помнил.

В Мозыре всего-то сто десять тысяч человек, не считая незарегистрированной деревни, а сатанинские тусовки – на каждом шагу.

Малоэтажные новостройки с красными черепичными крышами приветливо улыбаются тебе, брат или сестра Левого Пути. Много зелени – она скроет тебя, когда побежишь прочь от церкви, которую разрисовал пентаграммами.

Рядом с Мозырем располагается Припять. Многие мечтают туда попасть.

Олегу это ещё предстояло.

Сначала его подсадил колхозник в кепке и два часа болтал на трясанке. Олег уснул. На развилке выполз наружу. Машины пролетали мимо мрачного парня в серой куртке и забрызганных грязью джинсах, будто на крыльях ненависти.

Темнело. Остановилась грязная «Лада». Мордоворот за рулём ухмыльнулся, показав золотые зубы:

– Чо, не сажают, боятся?

– Да, – ответил Олег.

– Тебе, хлопец, надо кладбищенским сторожем работать, всех распугаешь, – заржал водитель и открыл дверцу.

Олег забрался в машину, стиснув зубы. Он стерпел бы подобное от тёлки, но не от брутального жеребца. Он давно мечтал дать такому дядьке, и вот – новое разочарование. Минуты шли, в салоне играла москальская группа, хуярил дождь.

– Ты чо, язык проглотил? – наконец спросил водитель. – Скучно с тобой.

Олег молчал. Чтобы стало чуть легче, он представил, что у Елены в жизни сплошной кошмар. Легче не стало.

– Убил, что ли, кого-нибудь? – серьёзно спросил водитель.

– Бабу убил, – неожиданно для себя произнёс ахтунг.

– Чо, реально грохнул, скрываешься теперь?

– Да. Это была подлая, неблагодарная тварь.

– Да, братан, – водитель прибавил скорость, – бабы – дуры и суки все. Раньше домой пришёл – бельё поглажено, ребёнок спит как мертвец, на плите варёных почек кастрюля, драников три сковороды. Чарло покупать не надо – сама у тётки на даче сготовит. А сейчас! Все нахуй личности, все блять на фитнес, у хирурга блять подтянула жопу – и пошла по молодым мальчикам гулять.

В глазах Олега засияли серые пентаграммы радости.

– Я тоже ненавижу баб, – воскликнул он. – Я гей.

Водитель резко обернулся.

– Чо, бля?! Я с петухом в одном авто сидел? Я тя уебу щас, бля.

– Но... вы же не любите баб, – проямлил сатанист. – Как и я.

– Да кого это волнует. Люблю – не люблю, а ебать их надо. Иначе – петух.

Олег затрясся мелкой дрожью.

– У меня травмат, сучёныш, – предупредил водитель. – Я за кражу, ёпта, сидел. Свернём-ка, ёпта.

– Можете делать со мной что хотите, – пробормотал Олег, – только не убивайте. Я могу отсосать.

– Вылезай, бя, печёночный сосальщик, нахуй!
«Лада» остановилась в рощице, полной канав и пожухлой листвы.
– Мне поможет сатана, – решил на последнее средство Олег.
– Я те дам сатану, – прошипел водитель. От удара Олег полетел на землю, ткнулся мордой в лужу. Водитель пнул его тяжёлым ботинком под дых:
– Я – православный!!
Олег попытался отползти подальше, но удар по голове вырубил его.

После ареста товарищей члены группировки «Чёрное облако» строго конспирировались. Даже балахоны с Викиернесом надевали только дома.

А тут – пидовка из Минска, известная тем, что палит всех и вся. Свой телефон на стихире повесила, паспортное имя и адрес не знает только ленивый.

– «Дорогие товарищи, – усмехаясь, читал Андрей – для простоты и конспирации будем называть мозырян человеческими именами. – Позвольте представиться. А ргіогі я Elevzad, в быту зовусь Олегом. Времени на сатанизм у меня какое-то время не было: я и юрист, и спортсмен, и рерайтер. Но вернулся к движу после разочарований и утрат.

Андрея я хорошо помню. У него глаза, не станущие лгать. В них правда, горькая и мерзкая.

Поэтому прошу вас приютить меня на несколько дней. Деньги есть на полчаса в интернет-кафе, остальное спёрли полицаи. Завтра буду в вашем крутом городе. Хочу принести любую пользу, включая интим. Извините, пишу кратко: здесь шум, наушники не дали, суки. Всё, побежал на трассу. Мой телефон...»

Его младший брат Вадим убавил группу «Ногна» и отхлебнул пива из горлышка:

– Не люблю я гомов, что ни говори. Да и ебло у него – в натуре утопленник.

– С ебла воду не пить. Главное, чтобы человек был поганый.

– Мобильный не отвечает, – хмыкнул Вадим. – У водителя оно, что ли, сосёт?

– А это мы шас увидим.

У Андрея был заколдованный скайп. Заходишь туда, выбираешь в списке контактов, скажем, Олега – и появляется изображение, даже если сам Олег не сидит перед компьютером, а даёт в зад. А вот если у тебя нет скайпа, любезный читатель, тебя не увидит никакой сатанист, разве что во сне или волшебном зеркале. Но получить зеркало более напряжно.

Андрей прочёл краткое заклятье и вылил полбутылки в окно. Снизу донесся плеск и невнятное восклицание – пиво то ли попало на голову прохожему, то ли скрылось в пасти тьмы. Жертва была принята, изображение загрузилось.

Олег валялся в роще рожей книзу. Рядом лежал полупустой рюкзак.

– Может, нуегонах? – спросил Вадим.

– С чего это нах, дома сортир мыть некому... Олег! – повысил голос Андрей. – Встань и иди! Дьявол зовёт тебя.

– Иду, – прошептал поэт и с трудом оторвал задницу от канавы. Очень хотелось сдаться в травмпункт, но сатана удвоил силы гения, и вскоре Олег добрёл до деревни, на краю которой бабка продавала подмороженные яблоки и клюкву.

– Бабушка, – попросил он, – дай хотя бы сто тысяч. У меня дед в Мозыре умирает, я на попутках поехал, а в одной машине оказался голубой. Я отказал ему, он меня выкинул и деньги забрал.

– Ах, сука! – всполошилась старуха. – И номеров не запомнил?... На, сынок, яблоко, на клюкву, ты голодный, поди.

– Бабушка, – простонал Олег, – мне деньги нужны!

– Нету денег – не продалась я ещё. Вот продамся к вечеру, приходи.

Олег готично тащился по обочине, грызя яблоко. Все бабы – сволочи, думал он. Все они как Ева – всучат тебе яблоко вместо бабла.

– Эй, пацан, залезай давай, – окликнул его из фуры мужик с москальским акцентом. – Устал, наверно, как собака?

– ...будешь много трепаться, тебе крышка, ясно? – спросил Вадим. Олег мрачно ози-
рался. На хате играл чилийский блэк. Ни Ротару послушать, ни на стихире посидеть, да ещё
в душ с порога загнали. Не должны быть такими чисто плотными истинные служители зла.

Андрею было всего двадцать восемь, но разговаривал он так, будто старше Олега на все
двадцать. Он не понимал, что гений рождается в возрасте трёх тысяч лет и помнит всё
о любви и смерти.

– Если вы приведёте Елену, я сделаю многое, – сказал Олег.

– Мы тебя даже покормим, только пол помой, унитаз отдрай, подъезд подмети.

– Бля-а-а, а можно я лучше стихи прочитаю?

– Прочитай, – насмешливо разрешил Вадим. Олег готов был убить обоих, но нельзя
было упускать второй шанс угробить Елену: третьего Люцифер мог не допустить. Ахтунг
продекламировал:

Меч Дамокла висит надо мною
На правах игрока и судьи.
И опять амплуа проливное
Проявляют тупые дожди.

Не дают эту жизнь целиком мне,
Но я рогом в калитку упрусь —
Пусть меня как поэта не помнят
Ни Новинки, ни вся Беларусь!

Я взлечу на сияньи рубина,
В чёрно-белом закатном боа,
Провожаемый взглядом блондина,
Что задумчиво пил фейхоа.

Подавитесь, скоты, быдлохлебом!
Санитары, не плачьте по мне!
Я живым буду взятый на небо —
К Сатане, к Сатане, к Сатане.

– Жидкое фейхоа – это сильно, – заметил Андрей.

– Песец какой, – сказал Вадим. – Твоя Елена такое же фейхоа пишет?

Олег подавил желание вгрызться ему в горло.

– Нет, – процедил он. – Хуже.

Андрей открыл страницу с фотографией симпатичной брюнетки и удивлённо вымате-
рился.

– Кто тут пседел про девяносто килограммов? Ну и юмор, бля.

– Пятьдесят максимум, – сказал Вадим.

– Нет, если железо поднимает, то пятьдесят пять, пятьдесят шесть. Видно, что руки
подкачанные.

– Мерзкое чудовище, – пробормотал Олег. – Я поссу на её фото.

- Да, Олег, ты увлёкся как сучечка. Экий ты нежный бисексуал.
- Иди паркет скрести, нам пора совершать МРП.

Вымыв хату, Олег грохнулся на раскладушку в кухне, а братья продолжали обсуждение.

– Судя по текстам, это сестра Левого Пути, – задумчиво сказал Андрей. – Говорит, что атеистка, но слишком хорошо знает матчасть для рядового автора. Что-то они с пидессой не поделили.

– По-моему, это фрейдизм: пида впервые влюбилась в бабу и ненавидит бабу за это, ибо подобные чувства идут вразрез с самоидентификацией.

– Да нет, всё сложнее. А ещё у этой Елены защита стоит и скайпа нет. Не вижу смысла доёбываться.

– А я вижу. Антиклерикалы должны работать сообща. Можно обсудить совместные акции.

– Какие акции? Писатель – не акционист.

– О'кей, сетевые проекты. Но сначала надо выгнать пиду.

Братья долго перешёптывались – выставлять Олега вон, или пусть поработает. Решили подвергнуть его испытанию: выдержит – ещё неделю помоеет полы, не выдержит – ко Христу домовода с такой нервной системой.

По ночам поэт иногда любил обмазываться говном и дрочить. Не всем любовникам он открывал сию тайну. Но тут, на левой квартире, среди ночи, его внезапно охватило желание обмазаться. Олег отодрал задницу от раскладушки и сиганул в туалет. Погадил, но воду не спустил, сложил на урне одежду, вытащил из унитаза кусок, и вдруг в уборной погас свет. Олег выронил говно и громко выругался.

– Что за вонь? Что за ор? – крикнул Андрей, прекрасно знавший, в чём дело.

– Я поскользнулся, ваши домовые там насрали, – завопил Олег. – И теперь я не могу открыть дверь.

– Дверь охуенно открывается, я час назад проверял.

– Значит, это ты всё обгадил!

– Нет, Олег, просто ты любишь обмазываться говном и дрочить. Но моя трактовка Левого Пути не допускает грязищу. Это для православных юродивых. Сатанист – опрятен и чист!

Вадим слез с кровати, бубня, что минских копрофилов домой не приглашал, что сейчас уйдёт к своей тёлке, что Христос заберёт всех минских копрофилов вместе с ментами и православными психологами, а стихоплётов – в первую очередь. В уборной вспыхнул свет. Лампочка горела не белым, а призрачно-синим огнём, иногда мигая. Внутри неё обрисовывался матовый пентакль.

Кое-как Олег вымыл кафель, спустил воду и пошёл одеваться.

– Чтобы вычистить твою скверну, мне придётся совершить тринадцать Малых Ритуалов, – предупредил Андрей, варящий на кухне кофе.

– Лучше тринадцать раз сходи по нужде! – заорал Олег. – Все люди – подонки! Ненавижу! Ты сраное, поганое угрёбище.

– Отлично, с таким настроением ты принесёшь массу пользы тьме.

– Я тебя прибью! – Олег кинулся на мозырского авторитета, но джезва приподнялась над плитой и выплеснула кипятком ему в лицо.

– Олег, пожалуйста, приноси пользу тьме, – спокойно сказал Андрей, – но не у меня дома.

– Я теперь не найду суку! – заплакал Олег и побежал в ванную.

– После твоих выходов помогать не стану принципиально. Помоги себе сам. Иди на кладбище и нагадь на могилу священника Остогребского. Можешь там обмазаться говном и подрочить. Или нарисуй рога на стене церкви. Тогда сатана обернётся к тебе и поможет. Даже в том случае, если Елена – сестра Левого Пути.

... – Тьфу, слава Лилит – съебал, – сказал Вадим и включил на полную громкость Илджарна. Соседям было плевать – когда-то братья нарисовали на их двери невидимым мелом оглушающий гальдрастав.

Глава 5

Стыдно, любезный читатель, не знать Остогребского. Протоиерей Ипатий Остогребский – это белорусский Александр Мень!

При жизни он был латентным вегетарианцем.

– Будучи хиппи-диссидентом, я практиковал сыроедение, – рассказывал о. Ипатий в интервью portalу «Самаритянки.ру». – Но сейчас вынужден есть животных во всех видах и формах. Я присутствую на множестве мероприятий, где подают то гуся с яблоками, то утку, то телятину. Отказываться от мяса – значит плюнуть в лицо сёстрам во Христе, которые это готовили, моим коллегам и гостям. Я ничем не лучше какого-нибудь о. Евпатия из посёлка Ширинки и не буду возноситься над ним в гордыне своей.

С этими словами Остогребский отрезал кусок от мясного пирога и умял за полторы секунды.

– Но ведь вам жаль животных? – робко поинтересовалась журналистка.

– Безусловно. Я встаю посреди ночи и плачу, скорбя душой по курице, которую приготовила жена. Сам никогда не готовлю, настолько мне жаль убиенную дичь. В сердце христианина должны быть боль, сострадание.

А вот притча о битой кассирше, достойная внесения в хрестоматию.

Приходит к Остогребскому на исповедь кассирша:

– Муж-пьяница бьёт меня.

– Терпи, дочь моя. Такова женская доля.

Приходит кассирша через месяц:

– Муж мне ребро сломал, ползарплаты пропил.

– Терпи, дочь моя. В милицию не ходи. Подставь рёбра с другой стороны.

Через полгода приползла кассирша на исповедь еле живая:

– Муж еду у меня отбирает, последние серьги унёс в ломбард. Помру скоро. В душе моей гнев и ненависть.

– Дочь моя! Велики страдания твои, за такое причисляют к лику святых. Радуйся и пой.

После того, как кассирша умерла в больнице от тяжких телесных повреждений, к протоиерею пришли её соседки:

– Батюшка, почему бы вам не походатайствовать за причисление Тацяны к лику святых? Вы же обещали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.